

УСКОЛЬЗАЯ ОТ САМИХ СЕБЯ

Трудно сохранять равнодушие по отношению к проблемам, с недавних пор ставшим едва ли не важнейшими пунктами постсоветской общественной и политической повестки дня. Непростые и тревожные метаморфозы, наблюдающиеся в российско-украинских отношениях; пугающее превращение Украины, имевшей, казалось бы, все шансы стать благополучным, процветающим государством, в *территорию-рану*, беззащитно кровоточащую на глазах растерянной Европы, — эти и другие обстоятельства порождают целый ряд неизбежных вопросов.

Почему, отчего все повернулось так, а не иначе? Что послужило толчком именно к такому, предельно опасному повороту?

Думается, что существенную, если не основную роль сыграли в этой ситуации киевские события 2013—2014 годов. В стране, регионы которой имеют и разную историю, и разные насущные потребности, верх в тот момент взяли силы, ориентированные не на поиск плодотворного идеологического консенсуса, но — на жесткое продвижение единой националистической системы ценностей. Причин, обусловивших подобный расклад, было немало. К ним по праву можно отнести и особенности конкретных политических партий, движений современной Украины; и характер социальных противоречий, накалявшихся в стране на протяжении более двух десятилетий; и специфику идейных установок, методично внедрявшихся все эти годы в сознание украинского населения различными влиятельными кругами и структурами.

Ощутимое влияние на ход и итоги рассматриваемых событий оказали настроения, господствовавшие на тот момент у нас, в Киеве. Думается, что в связи с этим имеет смысл с особой пристальностью всмотреться в весьма специфическое общественное явление, показательное для здешней атмосферы и основательно укоренившееся за постсоветские годы. Речь идет о феномене, который условно можно было бы обозначить как *киевский русский оранжизм*.

Упомянутое явление носит характер причудливый. Порою кажется, что при каком-нибудь ином историческом раскладе наша среда оранжистов вполне могла бы служить проводником отнюдь не изоляционистских, но (страшно сказать!) имперских идей. Уже сам по себе пестрый этнический состав среды складывается в типично имперскую картинку: наряду с русскими — евреи, поляки, армяне и даже украинцы. А язык родной (и притом никем не навязанный, впитанный с молоком матери) у всех один. Русский. Да и фундамент духовной самоидентификации у них общий — русская культура. О людях малообразованных и закостенело просоветских, пусть и русскоязычных, мы ведь сейчас не говорим. К рассматриваемой среде они отно-

Ефим Леонидович Гофман родился в 1964 году в Киеве. В 1986 году окончил Горьковскую (Нижегородскую) государственную консерваторию им. М. И. Глинки. Занимается литературной критикой, эссеистикой, публицистикой, преподаванием. Печатается в российских и русскоязычных периодических изданиях с 2000 года. С 2016 года — член Всемирной организации писателей International PEN club (Русский ПЕН-центр). Живет в Киеве.

шения не имеют. Состоит же среда, напротив, из людей в большей или меньшей степени просвещенных: эмэнэсов и итээров, доцентов и профессоров, писателей и режиссеров, художников и музыкантов.

В большинстве своем все эти интеллектуалы прекрасно осознавали провинциализм киевской жизни советских времен. На протяжении десятилетий «застойной» эпохи основными окнами в большой мир (учитывая к тому же, что контакт с дальним зарубежьем был затруднен) для них неизбежно являлись российские «толстые» журналы, фильмы Тарковского, песни Высоцкого, поездки в Москву и Ленинград, где можно было попасть на Таганку и в БДТ, на концерт Рихтера в Большом зале консерватории и выставку «Москва–Париж» в Пушкинском музее. Приоритетным самиздатовско-тамиздатовским чтением для них (так же, как и для интеллектуалов Москвы, Саратова или Новосибирска) была отнюдь не украиноязычная поэзия и публицистика (имевшая хождение по преимуществу в националистически ориентированной среде), но Бродский и Солженицын, «Доктор Живаго» и воспоминания Надежды Мандельштам. Впрочем, отнюдь не все из них так уж рвались к запретному чтиву. Многие люди этого слоя были ориентированы на добропорядочно-успешное продвижение по служебной лестнице и весьма равнодушно реагировали даже на позорные явления, имевшие место совсем рядом (что называется — под боком!), на драматичные повороты судеб своих замечательных земляков: будь то арест кинорежиссера Сергея Параджанова или выгалькивание из страны писателя Виктора Некрасова.

Продолжим, однако, разговор о той части среды, которая была восприимчива к оппозиционно-вольнодумным настроениям. Некоторые ее представители, сочувствовавшие украинской национальной идее, были каплей в море. Допустим, циркулировали временами в этом социуме туманно-елейные разговоры о будущей свободной суверенной стране, в которой русским будет лучше, чем в России, а евреям лучше, чем в Израиле (памятная фраза из мифотворческого арсенала начала 90-х вполне под стать отвлеченному идеализму тех настроений). Превалировало все же другое. Русскоязычные киевляне, критически относившиеся к советской власти, конечно же, сочувствовали трудностям и обидам украиноязычного населения, но рассматривали их по преимуществу в одном пакете с другими ограничениями прав и свобод, характерными для тогдашнего строя. Никакой личной вины перед украинцами эти люди не ощущали. Да и не имели. Учтем к тому же, что общие установки на запретительство, исходившие в своей основе от тоталитарно-бюрократического Центра, с удвоенным рвением проводились в жизнь на местах бесчисленным множеством сугубо украинских начальников и начальничков. Подобные «поддержка и энтузиазм миллионов» проявлялись в полном соответствии с расхожим афоризмом: «Если в России ногти стригут, то на Украине пальцы рубят». Между прочим, собирательный образ запретителя, как правило, рисовался русскоязычно-киевскому «коллективному бессознательному» не в виде таинственного пришельца с далекой планеты Лубянка, но в облике укорененного в местной почве угрюмого и хитрого мужичка, методично твердящего нечто вроде: «Щоб ніяких *Шніток* в програмі не було!» (эту фразу устное городское творчество приписывало одному из тогдашних директоров Киевской филармонии).

Почему же в эпоху перестройки люди рассматриваемой среды вдруг стали такими яркими поборниками проукраинских настроений?

Тому, на наш взгляд, есть несколько причин.

Во-первых, к этому времени контингент киевлян существенно изменился. Благодаря исходу многих даровитых нонконформистов все в те же Москву и Питер, а также — еврейской эмиграции (на самом деле — не только еврейской, если учесть, что с помощью иного «паровоза»-Шапиро покидало страну немало примкнувших Шепило-

вых и Шепиленко) освободилось пространство, заполнившееся совсем иными людьми. Впрочем, освободилось оно не только в Киеве, но и в Харькове, и в Донецке, и в Днепропетровске. Какой смысл, однако, был энергичным карьеристам с амбициями хозяев положения стремиться в города, не имевшие столичного статуса? Вот и ехали предприимчивые, целеустремленные выходцы из западноукраинских городов и восточноукраинских сел в Киев. А по мере того, как укреплялись их вес и влияние в столичной среде, многие коренные киевляне (вынужденные контактировать с ними хотя бы по работе) постепенно приобщались к их образу мыслей, их системе ценностей. К концу 80-х годов статистическое соотношение коренных киевлян и приезжих было достаточным для благоприятствования таким процессам.

Во-вторых, существенной предпосылкой «украинизации» сознания киевлян явилась проблема Чернобыля. К панике, охватившей тогда, в 1986 году, городских жителей, относиться иронически невозможно. Тревоги по поводу киевской экологической ситуации имели (да и сейчас имеют) серьезные основания. Понятно, что взбудораженное испугом массовое сознание ищет в такой ситуации палочку-выручалочку. Для многих в то время такой спасительной зацепкой оказалась идея, сформулировавшаяся примерно так: все беды — от чрезмерного диктата Политбюро и КГБ; если разрушить империю, то этот диктат будет автоматически ликвидирован; соответственно, и различные опасности (в том числе экологические) сойдут на нет. Надо сказать, что теперь, когда мы лицом к лицу соприкоснулись с новой, не имперской, суверенной властью, сильно поубавились даже надежды на недопущение ею нового Чернобыля. Суетливая безответственность, преобладающая в среде здешнего руководства на протяжении всех лет, прошедших со времени распада Союза, не позволяет видеть в этой власти нового образца надежную защиту от техногенных катастроф.

И — самое главное, в-третьих. На рубеже 80-х и 90-х годов с внушительной силой проявили себя глобальные, общемировые идейные поветрия. Альтернативой «совку» для большинства граждан разлагающейся империи явилась неправильно понятая либеральная идея.

Раньше всегда казалось: либерализм — система воззрений, предполагающая, что важнейшей общечеловеческой ценностью является *свобода*, а первостепенной общественной задачей — защита прав человека. Понятие «либерализм» ощущалось родственным таким понятиям, как «плюрализм», «толерантность». Не случайно прилагательное «либеральный» в быту ассоциируется с проявлениями мягкости, терпимости. Именно такое понимание либерализма является, в частности, основой убеждений и идеалов автора этой статьи.

Совсем иным выглядит либерализм в нынешней интерпретации, произвольно вычленивающей из всей совокупности прав человека одно-единственное, расцениваемое в качестве *главного*. Речь идет о праве на частную собственность и ее неприкосновенность. Гарантией его соблюдения является стабильный режим рыночной экономики.

Что же до остальных прав, то их новоявленные «либералы» отменять не собираются, но как бы выразиться поточнее... Такое ощущение, что логически-понятийный аппарат людей, стоящих на подобных позициях, работает, как ни странно, в режиме ненавистного им марксистского образа мыслей. Точнее, не марксистского (если иметь в виду подлинный марксизм, во многом — утопическое, но не беспросветно-вредоносное учение), а мышления в духе схем из советско-вузовского казарменного курса общественных дисциплин. Говоря конкретнее, новые «либералы» полагают, что есть базис — рыночная экономика, а есть надстройка — все остальное. Если будет установлен стабильный рынок, то остальные свободы-права автоматически придут в действие.

Есть у «либералов» и конкретный пример, долженствующий подтверждать их правоту: государство, успешно реализовавшее упомянутые базисно-надстроечные принципы. Что же это за страна? Для догадки трех попыток не надо. Ну конечно же — Соединенные Штаты Америки! Соответственно, как полагают «либералы», право Америки на статус единственной сверхдержавы, диктующей всему миру, как ему надо жить, не подлежит даже и обсуждению.

Совершенно понятно, что значительная часть приверженцев подобных идей руководствуется устремлениями попросту меркантильного толка; что не последнюю роль играют в этой ситуации даже сугубо частные обстоятельства (так диагноз около-майданной истерии в кругах иных русскоязычных киевлян был порою весьма нехитрым: наличие близких родственников в США; впрочем, заметим для объективности, что и анти-оранжевые настроения иных недалеких восточно-украинских обывателей нередко обусловлены всего лишь наличием родственников в России). И все же немалое число людей, ориентированных на подобный «либерализм», не преследует при этом никаких личных выгод, не относится к категории преуспевающих. В среде киевских оранжистов вполне хватает бескорыстных фанатиков. К сомнениям, к скептическому пересмотру взглядов и оценок такие люди не склонны. Казалось бы, с 1991 года до настоящего времени немало воды утекло, к тому же — существенно облегчился доступ к разнообразным информационным источникам. Вместе с тем никак не отрезвили этих киевлян ни результаты — будем откровенны, невдохновляющие — российского ельцинско-гайдаровского эксперимента 90-х годов, ни судьбы многих стран «третьего мира», уже веками пребывающих во *временной*, по «либеральному» мнению, стадии «дикого капитализма».

Вернемся между тем к 1991 году. Распад Союза будущие оранжисты без обдумывания воспринимали как неизбежное и необходимое условие внедрения «либеральной» панацеи. Тем более что такого же мнения придерживались не только модные тогда московские депутаты-межрегионалы, но и другая (как мы уже выяснили) авторитетная для «либералов» инстанция — руководство США. В итоге подобные настроения волей-неволей толкали таких киевлян в объятия *украинской идеи*.

СССР рухнул. Началась эпоха «незалежности». Тут-то и проявились в полной мере три существенные и выразительные социально-психологические особенности русскоязычного Киева, ключевые (на наш взгляд) для атмосферы будущего оранжизма:

1) Готовность к отказу от изначальных духовных и культурных устоев в угоду сиюминутной политической целесообразности.

Во второй половине 90-х годов тот факт, что украинская власть взяла твердый курс на национализм, сомнения ни у кого не вызывал (президентом страны, между прочим, тогда был как раз Кучма, позднее столь ненавистный оранжистам). В определенных кругах киевской общественности возникла потребность сформировать альтернативу настораживающим тенденциям, выразить иную точку зрения на животрепещущие для страны проблемы. С этими целями и пытался политолог и правозащитник Владимир Малинкович вместе с группой единомышленников создать Клуб творческой интеллигенции. Под эгидой этого клуба предполагалось проведение различных дискуссий, тематических вечеров и других интересных интеллектуальных акций. Учредительное заседание клуба состоялось в июне 1997 года.

Актовый зал Киевского академического института математики был заполнен до отказа. Аудитория пестрила выразительными, живыми лицами записных книжечек, концертно-вернисажных завсегдатаев, очкариков и неформалов. Ожидалось, что именно такие люди будут склонны поддержать новое сообщество.

В своих выступлениях члены клуба говорили о наболевшем. О том, что своими действиями власть хоронит подлинно демократический проект мультикультурной Украины, способной обеспечить равенство возможностей для украино- и русскоязычного населения. О том, что новое законодательство, препятствующее получению образования на русском языке, перекрывает тем самым путь к профессиональной, творческой, духовной реализации для значительной части граждан страны. Особо запомнился рассказ историка и искусствоведа Сергея Мамаева (безвременно скончавшегося в 2007 году) о борьбе за открытие в Киеве музея А. С. Пушкина; о том, как подвижническое стремление людей культуры представить киевлянам уникальную экспозицию, состоящую из подлинных вещей, документов и книг пушкинской эпохи, наталкивается на симптоматичный чиновнический ответ: «Ще скажіть, щоб вам в Україні влаштували музей Гомера» («Еще скажите, чтобы вам в Украине устроили музей Гомера»).

Что же представлял из себя отклик на эти выступления? Расплывчатые, витиеватые монологи украинских интеллектуальных мэтров, уклонившихся от оценок непростой ситуации. А также — две провокационные «домашние заготовки»: поднявшийся с места ангажированный журналист горделиво заявил, что, хотя он — человек русскоязычный, во всех социологических опросах тем не менее сознательно пишет, что его родной язык — украинский (то есть — жлет!); вышедший на трибуну подросток ледяным самоуверенным тоном сообщил аудитории, что ему безразлично, в какой школе учиться — русской или украинской, поскольку он готов идти навстречу интересам руководства страны (!).

Как же реагировали на происходящее упомянутые выше умники-очкарики, книгочеи-завсегдатаи? Да никак. Не проронили ни единого звука. Лишь после того, как заседание окончилось, они подали голос, обрушившись со шквалом упреков и недовольства в адрес... инициаторов создания клуба. Будущие оранжисты обвиняли их в политическом экстремизме, в большевистской непримиримости.

Разумеется, в подобной атмосфере клуб смог протянуть немногим более полугода. Даже формальной регистрации своего детища активисты добиться не смогли.

Итак, как мы видим, склонности и интереса к обсуждению острых проблем «либеральные» киевляне не проявили. Зато все более явственно просматривалась в этих кругах совсем иная тенденция —

2) Воля к сотворению кумиров.

В конце 90-х годов будущие киевские оранжисты дружными рядами ринулись на лекции московского мыслителя и теоретика культуры А. «А. — это пророк!» — подобные экзальтированные характеристики активно ходили в тот период по городу, передаваясь из уст в уста.

Бесспорен тот факт, что А. был одной из значительнейших фигур тогдашней российской интеллектуальной жизни. *Одной из*, но не единственной. Немало было и других, не менее крупных мыслителей. Существенно и то, что многие из них были далеко не во всем согласны с А. (равно как и друг с другом). Казалось бы, вполне здоровое для культуры положение вещей.

Новоявленным киевским поклонникам А. все это было, однако, невдомек. За годы «незалежности» живое ощущение московско-питерского культурного контекста в их среде изрядно поубавилось (так и не получив, между прочим, какой-либо адекватной компенсации). Да и тяги к подобной живой вовлеченности у них не было. А вот *имитировать* подобную тягу, убеждая не только окружающих, но и самих себя в том, что по-прежнему держат руку на пульсе современных интеллектуальных процессов, этим людям очень даже хотелось. Отчетливо проявлявшееся в выступлениях А. проповедническое начало, доходящее временами до откровен-

ной дидактики, лишь способствовало их успеху у киевской аудитории. Смирненно внимать назиданиям, не затрачивая никаких усилий на индивидуальное осмысление проблем, — для людей определенного толка ситуация вполне комфортная. Не служили помехой для восторгов аудитории даже совсем уж оторванные от современной реальности (и от конкретных устремлений многих будущих оранжистов) разговоры А. о нравственной пользе патриархальной семьи, пуританского образа жизни.

Вместе с тем всякая агиография имеет свой краеугольный камень. Имя харизматической фигуры непременно должно быть связано в массовом сознании с *чудом*. Или если не с чудом, то хотя бы с каким-либо событием, находящимся по ту сторону здравого смысла. Именно такое событие и стало ключевым для киевского триумфа А.

Киево-Могилянская академия присвоила московскому мыслителю степень почетного профессора. В связи с этим встал вопрос: на каком языке А. смог бы прочесть инаугурационную речь? Известно ведь, что выступления на русском в стенах этого учебного заведения запрещены. Украинским А. не владел. В качестве выхода из создавшейся ситуации организаторы предложили почетному гостю... выступить на языке, неизвестном большинству аудитории. В результате А. прочел свою речь на *английском языке*.

Хотя выступление А. и сопровождалось переводом на украинский (то есть все же было таким хитроумным путем доведено до сведения слушателей), трудно, вспоминая эту историю, отделаться от ощущения натужной неестественности. Мотивы, побудившие А. принять предложение организаторов церемонии, обсуждать и оценивать не будем — хотя бы потому, что они нам доподлинно неизвестны. Гораздо существеннее другое. Аудитория сделала для себя в этой ситуации вполне определенные выводы: вот что значит поступок настоящего русского интеллигента, испытывающего чувство вины перед несчастной, многострадальной украинской нацией.

Так организаторам церемонии (в будущем — активным вдохновителям обоих киевских Майданов) удалось случайно (!) впарить в сознание русскоязычных киевлян установки, изрядно усилившие податливость этих людей к дальнейшим идеологическим манипуляциям вполне намеренного свойства.

История с культом А. интересна, однако, не только сама по себе. Точно с таким же энтузиазмом будущие киевские оранжисты искали и политического Мессию, способного осуществить возжеланные рыночные реформы. Кандидатуры на эту роль время от времени менялись: в начале «незалежности» подобные надежды возлагались на Вячеслава Чорновила, затем — на Владимира Ланового, позднее сконцентрировались на фигуре Виктора Ющенко.

Вернемся, впрочем, к теме нравственности. Показательным феноменом выглядит тот факт, что люди, охотно слушавшие благочестивые проповеди А., в серьезных общественных ситуациях демонстрировали поразительную

3) Терпимость к человеконенавистническим умонастроениям.

В январе 2004 года Шевченковский районный суд города Киева вынес решение о прекращении выпуска газеты «Сільські вісті». Основанием для позиции суда послужил факт публикации на страницах газеты зоологически-антисемитских измышлений, никак не опровергнутых редакцией.

Казалось бы, подобное судебное решение имело основания снискать поддержку в прогрессивных городских кругах. Не тут-то было. Хлынул поток негодований, причины которого просты: наказанная газета была органом Социалистической партии Украины, ставшей в скором времени одной из ведущих оранжевых сил (первый Майдан ведь был уже не за горами).

Что ж, даже и при таких обстоятельствах «либеральные» интеллектуалы вполне могли бы прореагировать по-иному:

— призвать лидеров тогдашней антикучмистской оппозиции к отмежеванию от идейной линии газеты (что могло бы, между прочим, пойти на пользу красивому имиджу оппозиции);

— констатировать факт недостаточности наказания одной газеты при условии, что имеются в стране и другие органы печати, пропагандирующие ксенофобию.

Вместо этого среда будущих оранжистов разразилась заявлениями, ставящими на одну нравственную доску воинствующее человеконенавистничество и попытки ему противодействовать (пусть не самые последовательные и эффективные). Действия инстанций, наказавших газету, в упомянутых заявлениях были (ау, изложенная выше история с клубом!) квалифицированы как экстремистские.

Самое прискорбное, что среди озвучивавших подобную позицию были и евреи, в большинстве своем всегда являвшиеся частью *рускоязычного* Киева. Один из представителей подобной среды, ветеран правозащитного движения, выступая в те же дни на открытом заседании комитета «Бабий Яр», объяснил подъем антисемитских настроений в современном украинском социуме следующим образом: все дело, дескать, в том, что евреи составляли внушительный процент сотрудников украинского НКВД 30-х годов. Споры нет, диссидент-ветеран — фигура авторитетная. Тем более опасны неадекватные оценки, исходящие из уст подобной персоны, поскольку их воздействие на общественную жизнь может быть непредсказуемым. Увы, выступление почтенного правозащитника не вызвало никаких возражений со стороны его коллег по комитету. Демонстративно-протестный выход из зала двух возмущенных представителей независимой аудитории не нарушил Версаля, царившего на заседании...

Итак, мы видим, что предпосылок для процветания оранжистских настроений в среде русскоязычных киевлян накопилось достаточно. Неудивительно, что подобного рода тенденции, длительное время носившие рассредоточенный характер, к концу 2004 года обрели вполне отчетливые, концентрированные очертания. Громадная масса русскоязычных киевлян проявила тогда поразительную, беспрецедентную готовность суетиться вокруг Майдана, бездумно скандируя «Ю-щен-ко! Ю-щен-ко!». Готовность верить, что установка на идеи хуторяно-провинциалистского толка — это и есть путь в Европу. Наконец, готовность принимать в качестве допустимой нормы общественного сознания развязные оскорбления вроде «язык попсы и блатняка» (так характеризовался русский язык в тогдашнем предвыборно-агитационном письме группы известных украинских литераторов), а позднее — и безапелляционные напутствия вроде «Думай по-українськи!» (эти слова, произнесенные Виктором Ющенко уже в период его президентства, долгое время транслировались украинскими СМИ в качестве слогана).

Пришедший к власти на волне тогдашней оранжевой революции Ющенко пробыл на президентском посту свои пять лет. К концу срока он, однако, утратил популярность, поскольку не сотворил чаяемого массами «экономического чуда». Означало ли это, что в русскоязычной киевской среде произошла и переоценка идеологических ценностей? Отнюдь. Все свелось лишь к... появлению у оранжистско ориентированной среды новых кумиров, ведущих ту же самую националистическую линию. А порой даже и переводящих ее в такое радикальное русло, что деятельность Ющенко и его власти на этом фоне воспринимается как цветочки.

Взять хотя бы Олега Тягнибока и его партию «Свобода», представляющую собой политическую силу неприкрытой ксенофобской направленности: антирусской,

антисемитской. Мрачной сенсацией стало прохождение этой партии в украинский парламент на выборах 2012 года.

Что же представлял собой тогдашний киевский электорат «Свободы»? Значительную часть его составляли отнюдь не какие-либо малообразованные, недалекие люди. Среди отдавших свои голоса за партию Тягнибока немало оказалось все тех же русских оранжистов.

Набросаем несколько блиц-портретов людей, открыто говоривших в частных беседах, что поддерживают «Свободу». Почтенный профессор-искусствовед, специалист по авангарду начала XX века с лучезарной улыбкой и тихим голосом. Элегантная светская львица, поклонница Ахмадулиной, с характерными ахмадулинскими подвываниями читающая на разных посиделках стихи самой Беллы Ахатовны и свои стилизации под нее. Респектабельный программист еврейского происхождения, работающий — и, соответственно, проводящий значительную часть времени в Америке.

Аргументы, выдвигавшиеся людьми подобного толка в обоснование своей позиции, были разными. Кто-то попросту толкал пламенные речи о своей нелюбви к Януковичу и Путину и давал понять, что в пику этим неугодным политикам готов поддерживать любых экстремистов. Кто-то говорил о том, что «Свобода» — наименее коррумпированная из оранжевых партий. А кто-то предавался... хитроумным математическим подсчетам: если я, дескать, проголосовал бы за «Батьківщину» или «УДАР», то увеличил бы присутствие оранжевых сил в парламенте всего на один голос, а вот если я голосую за «Свободу», то увеличу на целых 5 процентов.

В результате партия «Свобода», ранее не проходившая пятипроцентный барьер, набрала гораздо больше, чем 5 процентов голосов. А по Киеву даже целых 17 процентов. То есть третье место!

Представляется показательным, что происходило это в кратковременный период, когда высшее руководство страны было не оранжевым. Казалось бы, конформистский дух, царящий в среде русских оранжистов, мог бы при таком раскладе побудить эти круги хотя бы к частичной перемене настроений. Помним ведь мы формулу из старого анекдота, метко характеризовавшую технологию приспособленчества привычно советского образца: *колебаться вместе с линией партии*.

В том-то, однако, и состоит весь фокус, что конформизм нашего времени строится на несколько иных принципах. Создается ощущение, что значительно важнее позиции власти для нынешнего либерально-конформистского сознания идейные установки элитных тусовочных кругов. А установки влиятельных украинских тусовок оставались все теми же: оранжевыми, националистическими.

Массу серьезных претензий — политических, нравственных — можно предъявлять к украинской власти формации 2010—2013 годов. Ради объективности признаем, однако, что серьезных посягательств на свободу слова в этот период как-то не наблюдалось. Ведущие электронные украинские СМИ (и телевидение, и радио!) — точно так же, как и при правлении Ющенко — не были государственными. И, соответственно, отражали (по преимуществу) точку зрения оранжево-националистической среды. Иначе говоря, точку зрения... тогдашней политической оппозиции (а отнюдь не власти!). То же самое касалось и большинства украинских газет. И ряда заметных издательских, лекционно-просветительских, фестивальных проектов, упорно продолжавших задавать тон в атмосфере киевской жизни.

Знаковый для того времени характер носили, к примеру, выступления известного киевского кинорежиссера Романа Балаяна, охотно дававшего интервью различным украинским массмедиа. Помнится, что ряд заметных работ этого мастера был сделан на «Мосфильме». Доводилось Балаяну работать с известнейшими рос-

сийскими актерами, заниматься экранизациями русской классики. Казалось бы, именно такой человек должен был бы проявить особое внимание к проблемам русскоязычных граждан Украины. Вместе с тем в телевизионных ток-шоу Балаян упорно заявлял, что никаких проблем с русским языком в стране не существует. А в интервью для одной из киевских газет и вовсе договорился до того, что потребность в русском языке испытывают лишь украинские граждане старше 40 лет, которые «не могут прочесть инструкции к лекарствам, к налоговым платежкам, счета коммунальных услуг» («2000», № 33 (617) 17–23.08.12).

Таким образом, процессы целенаправленной пропагандистской накачки в среде русскоязычных киевлян носили характер основательный и неуклонный.

Майдан 2013–2014 годов русско-оранжистская среда поддержала ничуть не менее рьяно, чем первый. Казалось бы, общественную дискуссию по поводу подписания-неподписания торгового соглашения (которым, по сути, является ассоциация Украины с ЕС) имело смысл проводить в ином, значительно более спокойном режиме. Оранжевистские круги, однако, проявляли явную заинтересованность именно в *политизации* этой темы, в искусственном нагнетании страстей вокруг проблем, не влиявших в тот период ни на общий статус, ни на перспективы развития страны. Истерично взвинчивая киевское население, равно как и самих себя, оранжевисты активно внедряли в общественное сознание установку на то, что в сложившейся ситуации Майдан и авральная досрочная смена власти — единственно возможный и правильный путь (несмотря на то, что в стране до законных президентских выборов оставался всего один год).

Абсолютно не смутило киевских оранжевистов то, что одним из трех равноправных лидеров Майдана стал упомянутый выше Олег Тягнибок. Не смутило и то, что силы Майдана позволяли себе действия незаконные, противоречившие цивилизованным международным правовым нормам и провоцировавшие трансформацию политического конфликта в вооруженное противостояние.

В результате политический переворот, получивший в среде его сторонников название «революция достоинства», был осуществлен. Что же до русских оранжевистов, то своими экзальтированными проявлениями безоговорочной солидарности с Майданом они внесли чрезвычайно весомую лепту в дело *легитимизации радикализма*.

Упорно отказываясь от пересмотра своей системы ценностей, уклоняется тем самым русско-оранжистская среда от признания доли своей ответственности за чудовищные процессы, являющиеся следствием произошедшего в феврале 2014 года. За расправы с инакомыслящими, самым трагическим проявлением которых стало убийство киевского журналиста и писателя Олеса Бузины. За боевые действия в Донбассе, повлекшие за собой огромные жертвы и поставившие под вопрос саму по себе возможность сохранения целостности Украины (а ведь, казалось бы, Украина — одна из немногих стран бывшего Советского Союза, сберегавшая спокойствие в раскаленной до предела атмосфере межнациональных войн конца 80-х — 90-х годов).

Остановиться, оглянуться, задуматься... Устремлений подобного толка в кругах русских оранжевистов и сегодня явно не ощущается. Точно так же не наблюдается в оранжевистской среде и проявлений сочувствия рядовым людям, ставшим заложниками бессмысленных политических разборок. Что же до лидеров этой среды, то нынешнюю ситуацию они явно воспринимают как *звездный час*, дающий им возможность еще более активно привлекать к своим персонам общественное внимание, предаваться неутомимому витийству на украинских телевизионных экранах и подмостках престижных аудиторий.

Не будем, однако, заикливаться исключительно на ситуации сегодняшнего дня. Остается ощущение, что подоплека феномена киевского русского оранжизма не

исчерпывается ни теми или иными нынешними идейными тенденциями, глобальными и локальными, ни теми или иными конкретными обстоятельствами и фактами. Явно присутствует здесь и некая таинственная, иррациональная составляющая.

Воистину заколдованное место — Киев. Меняются эпохи, происходят грандиозные исторические потрясения, на авансцену выдвигаются различные (подчас не связанные между собой) социальные и этнические слои, различные (подчас взаимоисключающие) политические силы, но все они почему-то упорно воспроизводят одну и ту же неизменную атмосферу городской жизни. С поразительной стабильностью тон в городе задают обширные сообщества людей, не склонных к рефлексии, охотно поддающихся внушению, предпочитающих индивидуальному выбору, самостоятельной мысли бездумное хождение в стаде.

Кто знает: может быть, позорное, чудовищное дело Бейлиса случилось почти век назад именно в Киеве оттого, что было в этом месте немало людей, способных верить дремучим наветам и мифам, подверженных *стадному мракобесию*. Может быть, советский Киев 60–70-х годов был по-особому неудобным для людей ярких и талантливых, круче других регионов страны расправлялся с инакомыслящими оттого, что многочисленный городской обыватель воспринимал происходящее со *стадным безразличием* (не стоит, возможно, преувеличивать в этих случаях роль страха; времена на дворе были уже не сталинские). И конечно же, явно весомую роль в современных киевских событиях сыграло наличие несметного количества горожан, готовых с большой охотой предаваться *стадной эйфории*.

Еще более иррациональна, однако, природа человека как такового. Роль этого фактора в рассматриваемой нами проблеме весьма значительна.

Вернемся на время к исходному пункту наших наблюдений. Никаких вопросов не возникало бы, если бы люди рассматриваемой среды — вне зависимости от своего этнического происхождения — сознательно решили бы себя позиционировать в качестве украинцев с подростковых или юношеских лет. Каждый человек в этом смысле имеет право на собственный выбор. Но речь в данном случае идет о людях, чей внутренний мир сформировался достаточно давно. Чье сознание, повторимся еще раз, всю жизнь работает на *русском языке*. Чей путь к восприятию общечеловеческих ценностей (пусть степень основательности подобного восприятия и вызывает у нас порой вопросы) в свое время естественным образом опирался на *русскую культуру*.

Но вот внезапно, на наших глазах, люди эти дружными рядами стали записываться в число приверженцев национальной идеи, не имевшей никакого отношения к их существованию. А к тому же проявили поразительную готовность в угоду привнесенным извне идеологическим установкам отринуть багаж изначальных своих ценностей. Иными словами, они оказались готовы жить в режиме *ускользания от самих себя*.

На первый взгляд нелепость. Да к тому же как подобный режим соотносится с либеральными идеями, которые эта среда декларирует? Для либерализма ведь, казалось бы, уважение к личности, индивидуальности — принципы непреложные. И вполне было бы органичным для людей либеральной ориентации стремиться именно к самостоятельности суждений, независимости позиции. Но, как убедились мы ранее, либеральным принципам рассматриваемая среда на деле следует весьма избирательно.

Личность, индивидуальность... Для сохранения ее внутреннего стержня требуются, как показывает жизнь, серьезнейшие усилия, не гарантирующие к тому же *эксистенциальной защиты* (этот термин введен писателем Александром Мелиховым и подробно разъясняется в его книге «Броня из облака» (СПб.: Лимбус Пресс, 2012)). На протяжении 60–80-х годов подобную защиту давали оба мировоззрения, пребывавшие тогда друг с другом в непримиримой конфронтации: и «советское», и «антисоветское». Выбирая для себя любое из них, человек, во-первых, ощущал,

что он не одинок, что он — частица относительного (большого или меньшего) сообщества людей, настроенных точно так же. А во-вторых, и у одного, и у другого массового течения присутствовали воодушевляющие цели, выразившиеся либо в воцарении коммунистического «рая», либо в избавлении от тоталитарного «ада».

Совсем иная ситуация образовалась после 1991 года. Как бы ни относиться к постсоветскому раскладу, образовавшемуся на руинах бывшего Союза, одно представляется очевидным. Новая реальность изрядно выбила почву из-под ног любой «черно»-«белой» картины мира.

Что делать в таком положении? Для человека, нуждающегося в экзистенциальной защите, ответ очевиден: искать суррогат подобной картины.

Многие, соответственно, и ищут, испуленно плывя по течению, культивируя новые идеологические мифы, фантомы, химеры. И — активно навязывая их современному социуму.